

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-49-57

Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

ДОЛГОПолов Кирилл Андреевич,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
юридического института Северо-Кавказского федерального
университета, доктор социологических наук, кандидат
юридических наук, доцент,
e-mail: nadal06@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ОБРАТНОЙ СИЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ И РЕЦЕПЦИИ

Аннотация. В условиях масштабного обновления уголовного законодательства постсоветских государств проблема обратной силы закона особо актуальна. Сравнительно-правовой анализ выявил континентальную и смешанную модели ретроактивности и существенные расхождения в регулировании «промежуточного» закона, аннулирования судимости, определения момента совершения длящихся и продолжаемых преступлений. Обоснована необходимость модельного закона СНГ, закрепляющего единые критерии мягкости уголовного закона, механизм внезаявительного пересмотра приговоров и гармонизацию отраслевых норм. Предложены направления рецепции зарубежного опыта для единообразия практики и укрепления гарантий прав осужденных.

Ключевые слова: обратная сила уголовного закона, постсоветское пространство, сравнительно-правовой анализ, гармонизация законодательства, рецепция права, «промежуточный» закон, *lex mitior*, судимость, длящиеся преступления, продолжаемые преступления, внезаявительный пересмотр приговоров.

DOLGOPOLOV Kirill Andreevich,
Head of the Department of Criminal Law and Procedure of
the Law Institute of the North Caucasus Federal University,
Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF MODELS OF RETROACTIVE EFFECT OF CRIMINAL LAW IN POST-SOVIET COUNTRIES: PROBLEMS OF HARMONIZATION AND RECEPTION

Annotation. In the context of large-scale renewal of the criminal legislation of post-Soviet states, the issue of the retroactive effect of law is particularly pressing. A comparative legal analysis has identified continental and mixed models of retroactivity and significant divergences in the regulation of the «intermediate» law, the annulment of criminal records, and the determination of the time of commission of continuing and continued offences. The need for a CIS model law is substantiated; such a law should establish uniform criteria for the leniency of criminal law, an ex officio mechanism for reviewing sentences, and harmonisation of sectoral provisions. Directions for the reception of foreign experience are proposed in order to ensure uniformity of practice and strengthen safeguards of convicted persons' rights.

Key words: retroactive effect of criminal law, post-Soviet space, comparative legal analysis, harmonisation of legislation, reception of law, «intermediate» law, *lex mitior*, criminal record, continuing offences, continued offences, ex officio review of sentences.

Вопрос о темпоральном действии уголовного закона принадлежит к числу основополагающих в уголовно-правовой теории. Ключевым здесь является проблема ретроактивности закона – допустимости применения нового уголовно-правового акта к деяниям, имевшим место до момента обретения им юридической силы.

А. М. Ерасов справедливо подчеркивает: уголовный закон действителен лишь при социаль-

ной обусловленности. Однако новый акт может неодинаково влиять на квалификацию и юридические последствия деяний, совершенных до его введения в действие, что неизбежно порождает временной конфликт между прежним и новейшим законодательством [5, с. 3].

После распада СССР постсоветские государства при общности исходных начал (кодексы 1960-х гг.) и ориентире – Модельном УК СНГ

1996 г. – под влиянием конституционных реформ, практики конституционных судов и позднее ЕСПЧ сформировали различные подходы к обратной силе уголовного закона. Эти различия углубились, породив проблемы гармонизации и единообразия правоприменения. Выделяются две модели: континентальная (Россия, Беларусь, Казахстан и др.) с нормативно закрепленным правилом *lex mitior* как основным регулятором; смешанная (Украина, страны Балтии), сохраняющая континентальную основу, но дополняющая ее судебными критериями под влиянием англосаксонского подхода.

Континентальная модель, характерная для России, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Армении, Азербайджана, Молдовы, основана на следующих принципах: 1) конституционное или законодательное закрепление правила о непридании обратной силы закону, устанавливающему или усиливающему ответственность; 2) императивное требование применения закона, устраняющего преступность деяния, смягчающего наказание или иным образом улучшающего положение лица; 3) дифференциация правовых последствий в зависимости от стадии уголовного судопроизводства (до вступления приговора в силу, после вступления, в период отбывания наказания, после отбытия, при наличии судимости).

Смешанная модель характерна для Украины, а также для стран Балтии (Латвия, Литва, Эстония). Отнесение указанных государств к смешанной модели обусловлено не только ссылками на практику ЕСПЧ и конституционных судов, но и тремя системными критериями: 1) наличием в национальном законодательстве континентальной основы регулирования обратной силы, прежде всего правила *lex mitior*; 2) устойчивым и регулярным воздействием судебной практики, включая решения конституционных судов и международных судебных органов, на определение пределов ретроактивности уголовного закона; 3) формированием на этой основе дополнительных, судебных по своему происхождению, критериев применения обратной силы, которые не сводятся к буквальному тексту уголовного кодекса. Именно сочетание этих трех признаков позволяет говорить о смешанной модели, а не только о влиянии отдельных судебных решений.

Во-первых, в Украине наряду с континентальными началами правового регулирования обратной силы уголовного закона (ст. 5 УК Украины) существенное влияние на правоприменительную практику оказали решения Конституционного Суда Украины, в частности Решение от 19 апреля 2000 г. № 6-рп/2000 по делу об официальном толковании положений ст. 58 Конституции Украины, ст. 6, 81 УК Украины [17], а до 2022 г. – практика Ев-

ропейского суда по правам человека, что придает правовому регулированию черты прецедентного права.

Во-вторых, в странах Балтии (Латвия, Литва, Эстония) континентальная модель обратной силы уголовного закона была существенно скорректирована под влиянием практики ЕСПЧ, в частности решений по делам «Колк и Кислый против Эстонии» [18], «Пенарт против Эстонии» [19] и «Мактуф и Дамьянович против Боснии и Герцеговины» [20]. В деле «Колк и Кислый против Эстонии» ЕСПЧ признал осуждение за преступления против человечности 1949 г., не нарушающим ст. 7 Конвенции, поскольку эти деяния уже были криминализованы международным правом, несмотря на отсутствие нормы в законодательстве Эстонии до 1994 г. В деле «Пенарт против Эстонии» Суд подтвердил, что принцип законности включает общее требование: только закон определяет преступление и наказание. В деле «Мактуф и Дамьянович против Боснии и Герцеговины» Большая Палата ЕСПЧ установила нарушение ст. 7 из-за ретроактивного применения УК 2003 г., предусматривавшего более строгое наказание, чем УК СФРЮ 1976 г. Конституционные суды Балтии также определяют пределы обратной силы: КС Латвии выводит применение более мягкого закона из ст. 1 и ч. 2 ст. 92 Конституции Латвии, а КС Литвы в определении от 18 марта 2014 г. признал бы незаконным ретроактивное преследование за геноцид против социальных и политических групп, совершенный до поправок 1998 г. [21].

В-третьих, в перечисленных государствах практика судов выступает существенно более весомым фактором при очерчивании границ обратного действия уголовного закона, чем в эталонных континентальных правовых порядках. Это дает основание вести речь о складывании смешанной модели. Конституционные положения – общий фундамент отраслевых различий и восходят к международным стандартам: ст. 7 Конвенции о защите прав человека и ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах запрещают обратную силу закона, устанавливающего или отягчающего ответственность, и допускают применение смягчающего закона, принятого после совершения преступления.

А. К. Князькина и Е. В. Сильченко указывают общее правило для международных договоров: юридическую силу они обретают в порядке и сроки, прямо предусмотренные договором либо согласованные участвовавшими в переговорах государствами [8, с. 234].

Конституции постсоветских государств закрепляют обратную силу с разной степенью детализации: Россия, Таджикистан и Казахстан допускают применение нового закона, если от-

ветственность устранена или смягчена; Беларусь – если закон смягчает или отменяет ответственность. Тем самым конституционные основы в значительной мере унифицированы, что создает предпосылки для сближения отраслевого законодательства. Однако это не влечет его автоматического согласования: расхождения на отраслевом уровне сохраняются и требуют дальнейшего анализа. Уголовное законодательство конкретизирует эти положения. Так, ст. 10 УК РФ придает обратную силу закону, устраняющему преступность деяния, смягчающему наказание или иным образом улучшающему положение лица, включая отбывающих или отбывших наказание, но имеющих судимость; закон, устанавливающий преступность, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет [22].

Статья 13 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ) в целом воспроизводит российскую формулировку. А. И. Хайдарова в своих работах отмечает, что согласно ч. 1 ст. 13 УК РТ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу [14, с. 84]. Вместе с тем, как справедливо указывает исследователь, уголовное законодательство Таджикистана не содержит решения вопроса о применении ретроактивности к «промежуточному» закону, что вызывает на протяжении длительного времени научную дискуссию.

Статья 9 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) закрепляет: «Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу» [23]. С. Г. Василевич акцентирует внимание на том, что белорусское законодательство содержит требование, запрещающее иным образом ухудшать статус граждан и других субъектов в связи с принятием акта и распространением его действия на предшествующие отношения [3, с. 209].

В ст. 4 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) установлено: «Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или от-

бывших наказание, но имеющих судимость» [24]. Аналогичные положения содержатся в уголовных кодексах Узбекистана (ст. 3), Кыргызстана (ст. 6), Армении (ст. 13), Азербайджана (ст. 8), Молдовы (ст. 8).

Таким образом, на уровне отраслевого законодательства постсоветские государства закрепляют унифицированную формулу обратной силы, восходящую к Модельному уголовному кодексу для государств – участников СНГ 1996 г. Однако детализация механизма применения обратной силы существенно различается. В доктрине наиболее полемичен вопрос об обратном действии «промежуточного» закона – акта, вступившего в силу после совершения преступления, но утратившего силу к моменту судебного разбирательства.

Т. Ш. Шарипов и А. И. Хайдарова разъясняют: под «промежуточным» в литературе понимается уголовный закон, вступивший в силу вслед за совершением деяния, но переставший действовать ко времени рассмотрения дела судом [15, с. 120].

В доктрине уголовного права постсоветских государств сложились три основные позиции по данному вопросу. Так, например, М. И. Блум и А. А. Тилле, представляющие первую точку зрения, отрицают обратную силу «промежуточного» уголовного закона: он, по их мнению, не действовал ни в момент совершения преступного деяния, ни тогда, когда суд выносил приговор. А. И. Бойцов, придерживающийся второй позиции, рассматривает такой закон как промежуточную форму существования уголовно-правовой нормы – темпоральную коллизионную норму. Сторонники третьего подхода – Ф. С. Бражник, С. П. Мокринский и А. М. Ерасов – настаивают, что «промежуточный» уголовный закон должен применяться, если он создает более благоприятные условия для лица, чем закон, действующий на момент судебного рассмотрения дела.

Присоединяясь к третьему взгляду, уточним его для постсоветских условий: при вопросе об обратной силе «промежуточного» закона содеянное квалифицируется по норме, действовавшей на момент деяния, а наказание определяется в границах более мягкого «промежуточного» закона со ссылкой на него. Это обеспечивает и законность (квалификация по закону времени деяния), и гуманизм (наказание в рамках более мягкого закона). В законодательстве постсоветских государств вопрос решен неодинаково. УК Беларуси (ч. 4 ст. 9) прямо предусматривает: если закон времени совершения преступления был отменен или изменен улучшающим положение лица законом, но ко времени расследования или суда вступил в силу более строгий закон, применяется наиболее мягкий промежуточный закон. Анало-

гичные положения – в УК Болгарии (ч. 2 ст. 2) и УК ФРГ (ч. 3 § 2).

В УК России, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Армении, Азербайджана и Молдовы аналогичные нормы отсутствуют. А. И. Хайдарова обоснованно отмечает, что уголовные кодексы некоторых зарубежных стран уже содержат правило действия «промежуточного» уголовного закона [14, с. 85]; рецепция этого опыта необходима и обоснована. Одной из острых проблем обратной силы в постсоветских государствах остается юридическая судьба судимости при декриминализации деяния. Как отмечает А. И. Бойко, судимость олицетворяет древнюю традицию уголовного права и «любимое властью свидетельство ее аристократичности», а практический смысл института – в проверке состоятельности вынесенного судом приговора [2, с. 31].

В уголовном законодательстве большинства постсоветских государств, как правило, нет механизма автоматического снятия судимости при декриминализации деяния, за которое лицо уже отбыло наказание. Возникает противоречие: деяние перестало быть преступным и утратило общественную опасность, но лицо остается судимым, что влечет ограничения при трудоустройстве, учет при рецидиве и иные неблагоприятные последствия. Конституционный Суд РФ в постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П признал неконституционными положения ч. 1 ст. 10 УК РФ и подп. «а» п. 3.2 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» [25] в той мере, в какой они препятствуют восстановлению пассивного избирательного права граждан, судимость которых снята или погашена, если новый уголовный закон не признает их деяния тяжкими или особо тяжкими. Тем самым Суд указал: смягчение категории преступления должно влечь пересмотр правовых последствий осуждения, включая судимость.

В доктрине постсоветских государств нет единства по вопросу об автоматическом аннулировании судимости при декриминализации. А. Е. Якубов пришел к выводу, что в части, в которой новый закон оптимизирует условия аннулирования связанных с судимостью уголовно-правовых последствий, он также имеет обратную силу [16, с. 36]. Однако вопрос об автоматическом аннулировании судимости при декриминализации он не ставил, ограничившись ситуациями сокращения новым законом сроков погашения судимости. Более радикальны И. Э. Звечаровский и А. Л. Иванов, обоснованно указывающие на фундаментальный пробел: УК РФ не обязывает при улучшающих участъ лица изменениях освободить его от уголовной ответственности, наказания или дальнейшего его отбывания, автоматически сокращать сроки наказания и судимости, а суди-

мость – погашать или снимать согласно обновленным положениям [6, с. 33-34].

Разделяя эту позицию, уточним ее для постсоветских реалий: в уголовное законодательство этих государств целесообразно включить норму, по которой осужденный за деяние, утратившее преступность и наказуемость в связи с новым уголовным законом, считается несудимым с момента вступления закона в силу. Это соответствует пониманию судимости как правового последствия наказания, связанного с институтом преступления: при декриминализации деяния основание судимости отпадает, а ее сохранение противоречит системному единству Общей части уголовного закона.

Проблемы «промежуточного» закона и аннулирования судимости касаются преимущественно материально-правовых последствий изменения законодательства. Не менее важен вопрос о законе, применимом к деяниям, момент совершения которых растянут во времени: без определения времени совершения длящихся и продолжаемых преступлений невозможно установить пределы обратной силы, поскольку от этого зависит применение старого или нового закона. А. И. Хайдарова подчеркивает: понятия продолжаемого и длящегося преступления раскрывались еще в советской литературе, но законодательство постсоветских государств до сих пор не закрепляет порядка определения момента их совершения [14, с. 83].

Длящиеся преступления – непрерывное осуществление состава; продолжаемые – ряд тождественных действий с единой целью, образующих единое преступление. В обоих случаях момент совершения не совпадает с первым действием, что затрудняет выбор закона при изменении законодательства. В доктрине и практике постсоветских государств единого подхода нет, что порождает правовую неопределенность: ответственность возможна по закону, не действовавшему ни в начале, ни в конце деяния, либо лицо лишается более мягкого закона, вступившего в силу в период деяния. Целесообразно закрепить в УК постсоветских государств правило: моментом совершения длящегося преступления признается момент окончания независимо от воли виновного; продолжаемого – совершение заключительного действия. Это устраним неопределенность и обеспечит единообразное применение обратной силы.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет выделить некоторые проблемы гармонизации законодательства постсоветских государств об обратной силе уголовного закона.

Во-первых, сложность связана с отсутствием унифицированных стандартов, по которым оценивается «мягкость» уголовного закона.

О. В. Обернихина указывает, что ни УК РФ, ни разъяснения Пленума Верховного Суда РФ № 10 [26] не предлагают детализированных ориентиров, которые позволили бы суду установить, какой именно закон улучшает участь лица, если сопоставление отдельных составляющих санкции не приводит к однозначному выводу [11, с. 94]. Та же проблема обнаруживается и в иных государствах, возникших после распада СССР. В этой связи целесообразно обратить внимание на германскую модель, предполагающую законодательное закрепление следующих требований: а) законы сопоставляются целиком, а не через отдельные элементы; б) предпочтение отдается акту, который в целом более благоприятен для виновного; в) если более мягкий закон выявить не удастся, применяется закон, действовавший в момент совершения преступления.

Во-вторых, отсутствие единого подхода к «промежуточному» закону. Как было показано выше, в Беларуси, Болгарии, Германии данный вопрос решен на законодательном уровне, в то время как в России, Таджикистане, Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане, Армении, Азербайджане, Молдове – нет. В порядке совершенствования уголовного законодательства постсоветских государств заслуживает поддержки и дальнейшего обсуждения закрепление нормы о применении наиболее мягкого «промежуточного» закона – как решение, оправданное с точки зрения гуманизации уголовной ответственности и правовой определенности.

В-третьих, отсутствие единого подхода к аннулированию судимости при декриминализации деяния. Как было показано выше, в большинстве постсоветских государств судимость не аннулируется автоматически, что порождает правовую неопределенность. Сказанное дает основания поддержать и продолжить обсуждение идеи о закреплении в уголовных кодексах постсоветских государств нормы об автоматическом аннулировании судимости при декриминализации деяния, поскольку такое решение согласуется с требованиями правовой определенности и исключает сохранение уголовно-правовых последствий за деяние, утратившее признак преступности.

В-четвертых, отсутствует единый подход к обратной силе для действующих и продолжаемых преступлений: законодательство постсоветских государств не закрепляет порядка определения момента их совершения, что препятствует единообразному применению обратной силы. В этой связи видится оправданным закрепление в уголовных кодексах постсоветских государств правила, согласно которому момент совершения длящегося преступления определяется моментом его окончания, а продолжаемого – моментом последнего действия. Сравнительно-правовой ана-

лиз при этом позволяет обосновать возможные направления восприятия положительного опыта; каждое из них связано с выявленными проблемами гармонизации, что обеспечивает системность предлагаемых решений.

Первый вектор – заимствование немецкой модели нормативного закрепления критериев «мягкости» уголовного закона, что решает первую проблему гармонизации – отсутствие единых критериев оценки «мягкости». О. В. Обернихина считает немецкий опыт особенно значимым для отечественной правовой системы [11, с. 94]. По § 2 абз. 3 УК ФРГ новый закон, смягчающий положение лица, применяется к ранее совершенному деянию и только в интересах осужденного; абз. 2 ст. 103 Основного закона ФРГ закрепляет принцип законности в пользу правонарушителя и запрещает обратную силу закона, устанавливающего или ужесточающего наказание. Немецкий подход отличает нормативная фиксация критериев: суд сравнивает прежний и новый законы и выбирает в целом более благоприятный для подсудимого.

Второй вектор – рецепция французского опыта расширения круга лиц, на которых распространяется улучшающий их положение закон; это уточняет пределы действия более мягкого закона во времени и способствует решению первой проблемы. Ст. 112-1 УК Франции: «Наказуемы только те деяния, признаки которых определены законом. Наказанию подлежат лишь преступления, которые предусмотрены законом на дату совершения деяния. Однако новые положения применяются к деяниям, совершенным до их вступления в силу и не ставшим предметом окончательного судебного решения, если они являются менее строгими, чем старые положения». Французская модель существенно расширяет круг субъектов: ретроактивность сохраняется до вступления приговора в законную силу. Подход может быть востребован в постсоветских государствах для точного определения предела применения более благоприятного закона.

Третий вектор – заимствование американского опыта разработки для судов подробных рекомендаций по пересчету срока наказания при смягчении уголовного закона; он решает проблему отсутствия детализированных процедур пересчета и обеспечивает процессуальную реализацию правила *lex mitior*. О. В. Обернихина подчеркивает: хотя правило *lex mitior* прямо не закреплено в Конституции США, федеральные руководства по назначению наказаний содержат детальные процедуры перерасчета при смягчении закона [11, с. 95]. В государствах постсоветского пространства подобные методические рекомендации отсутствуют, поэтому целесообразно утвердить постановлениями верховных судов развернутые

рекомендации с унифицированным алгоритмом действий суда и правилами пересчета отбытой и неотбытой части наказания.

Четвертый вектор – рецепция модели «управляемого» прецедентного права, связанная с обеспечением единообразия правоприменительной практики (имплицитно присутствует во всех предыдущих разделах). Л. Ю. Грудцына отмечает, что Верховный Суд РФ обеспечивает единообразное применение законодательства через разъяснения по вопросам судебной практики (постановления Пленума, обзоры и т. п.) [4, с. 174-175]. Это порождает эффект «квази-нормативного прецедента»: обобщение однотипных дел создает ориентир для нижестоящих судов. Этот опыт может быть использован для гармонизации практики по обратной силе уголовного закона в постсоветских государствах.

Пятый вектор – рецепция конституционного контроля, направленная на устранение дефектов законодательства об обратной силе (пробелов и правовой неопределенности). В. Д. Зорькин указывает, что Конституционный Суд РФ придает большое значение выявлению конституционно значимых дефектов законодательства – пробелов, противоречий и правовой неопределенности [7, с. 88]. Поэтому конституционные суды постсоветских государств должны активно выявлять дефекты законодательства об обратной силе и формулировать правовые позиции по их устранению.

Шестой вектор – учет опыта международного уголовного правосудия. Данный вектор имеет более узкое назначение: он связан с решением вопроса об обратной силе норм о преступлениях против мира и безопасности человечества, что не совпадает с основной проблематикой гармонизации, но дополняет ее. А. Г. Лисицын-Светланов констатирует, что формированию правовой основы международного уголовного судопроизводства предшествовала серьезная дискуссия известных правоведов того времени, в ходе которой обсуждались вопросы придания обратной силы нормам, зафиксированным в Уставе Международного военного трибунала [10, с. 40; 13, с. 202, 315]. По мнению Л. З. Багандовой, сложность придания уголовному закону обратной силы применительно к международным преступлениям коренится главным образом в столкновении двух уголовно-правовых начал – справедливости и законности [1, с. 106]. Представляется, что подход, выработанный Нюрнбергским трибуналом и допускавший ретроактивное действие международно-правовых и уголовно-правовых предписаний в отношении нацистских преступников за деяния, совершенные в годы Второй мировой войны, причем признававший это оправданным и не противоречащим международному праву, может быть

востребован и при решении вопроса об обратной силе норм о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Седьмой вектор – обращение к американскому опыту, связанному с недопущением законов *ex post facto*. Данный вектор соотносится с первой проблемой гармонизации, поскольку помогает уточнить критерии, при которых закон считается ухудшающим положение лица, а также может быть использован при разработке модельного закона для государств – участников СНГ. И. Д. Козочкин указывает: уже на исходе XVIII столетия Верховный суд США отнес к числу *ex post facto*: 1) нормативный акт, объявляющий преступным деяние, имевшее место до его принятия, и устанавливающий за него санкцию; 2) акт, усиливающий тяжесть или расширяющий рамки преступления по сравнению с положением на момент его совершения; 3) акт, вводящий более строгую меру наказания, нежели закон, действовавший в отношении конкретного преступления во время его совершения [9, с. 58].

М. Г. Решняк акцентирует, что ст. 1.01 Примерного уголовного кодекса США закрепляет активный и ультраактивный принципы действия предшествующего уголовного закона, а вопрос о том, как соотносятся конкуренция этого закона и ретроактивность нового, решается с учетом согласия подсудимого [12, с. 123]. Представляется, что данный опыт может быть использован при разработке модельного закона для государств – участников СНГ.

Таким образом, сравнительно-правовое исследование моделей обратного действия уголовного закона на постсоветском пространстве позволяет сделать следующие выводы:

Сложившиеся две базовые модели: континентальная – с нормативным закреплением правила *lex mitior* (Россия, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Армения, Азербайджан, Молдова); смешанная – континентальные традиции плюс элементы англосаксонского подхода (Украина, страны Балтии). Смешанная модель обоснована тремя критериями: континентальная основа, устойчивое воздействие судебной практики, формирование дополнительных судебных критериев применения обратной силы.

Конституционные основы обратной силы в значительной степени унифицированы, что создает предпосылки гармонизации отраслевого законодательства. Однако сохраняются расхождения по: 1) критериям «мягкости» закона; 2) ретроактивности «промежуточного» закона; 3) аннулированию судимости при декриминализации; 4) обратной силе в отношении длящихся и продолжаемых преступлений.

Основные проблемы гармонизации – отсутствие единых подходов по тем же четырем

вопросам: критериям «мягкости», «промежуточному» закону, аннулированию судимости при декриминализации, действию обратной силы для действующих и продолжаемых преступлений.

Направления рецепции: 1) германский опыт нормативного закрепления критериев «мягкости»; 2) французский подход к расширению круга субъектов, на которых распространяется смягчающий закон; 3) американский опыт методических рекомендаций судам по перерасчету наказания; 4) «управляемое» прецедентное право; 5) опыт конституционного контроля; 6) опыт международного уголовного правосудия; 7) опыт США по запрету законов *ex post facto*. Каждый вектор соотнесен с конкретной проблемой гармонизации, что обеспечивает практическую направленность рецепции.

Необходимо разработать модельный закон для государств – участников СНГ «О действии уголовного закона во времени», закрепляющий: 1) единые критерии «мягкости»; 2) правило о применении наиболее мягкого «промежуточного» закона; 3) автоматическое аннулирование судимости при декриминализации; 4) правило о времени совершения действующих и продолжаемых преступлений; 5) механизм внезаявительного пересмотра приговоров при вступлении в силу более мягкого закона. Механизм: уполномоченный орган (суд, орган исполнения наказания или иной законный субъект) обязан в установленный срок самостоятельно инициировать пересмотр вступившего в силу приговора, если новый закон улучшает положение осужденного; без заявления осужденного или иного заинтересованного лица; осужденный обязательно уведомляется; отказ в пересмотре обжалуется.

Реализация предложения о модельном законе для государств – участников СНГ требует учета политико-правовых условий: политической воли к гармонизации и согласования позиций по вопросам суверенной уголовной политики; рекомендательного характера закона и разработки механизмов имплементации; готовности правоприменителей, что предполагает методические рекомендации и повышение квалификации судей и сотрудников правоохранительных органов; мониторинга применения и последующей корректировки. Эти обстоятельства не отменяют целесообразности разработки, но требуют комплексного подхода к подготовке и внедрению.

Список литературы:

[1] Багандова Л. З. Придание обратной силы уголовному закону в отношении преступлений агрессии: исторический и международный аспекты / Л. З. Багандова // Международное право и международные организации. – 2024. – № 4. – С. 101-110.

[2] Бойко А. И. Память о преступности и ее отражение в уголовном праве / А. И. Бойко // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2025. – № 3. – С. 18-40.

[3] Василевич С. Г. Обратная сила закона: основания и пределы / С. Г. Василевич // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 6. – С. 203-210.

[4] Грудцына Л. Ю. «Управляемое» прецедентное право / Л. Ю. Грудцына // Образование и право. – 2026. – № 1. – С. 174-183.

[5] Ерасов, А. М. Обратная сила уголовного закона: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ерасов Андрей Михайлович. – Москва, 2004. – 217 с.

[6] Звечаровский И. Э. О мерах уголовно-правового характера, не предусмотренных уголовным законом / И. Э. Звечаровский, А. Л. Иванов // Уголовное право. – 2014. – № 4. – С. 33-36.

[7] Зорькин В. Д. Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законодательства / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 5. – С. 86-102.

[8] Князькина А. К. Действие международного уголовного права во времени / А. К. Князькина, Е. В. Сильченко // Бизнес. Образование. Право. — 2022. — № 3(60). — С. 234-239.

[9] Козочкин И. Д. Принцип законности в современном американском уголовном праве / И. Д. Козочкин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 6(263). – С. 48-61.

[10] Лисицын-Светланов А. Г. Теоретические основы международного уголовного правосудия в работе «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Москва: Проспект, 2021. – 760 с.) / А. Г. Лисицын-Светланов // Государство и право. – 2022. – № 7. – С. 40-45.

[11] Обернихина О. В. Зарубежный опыт правового регулирования обратной силы уголовного закона / О. В. Обернихина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2026. – № 2(76). – С. 90-96.

[12] Решняк М. Г. О некоторых особенностях правовой регламентации действия уголовного закона во времени и пространстве в уголовном законодательстве США / М. Г. Решняк // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 1. – С. 122-124.

[13] Савенков А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира / А. Н. Савенков. – Москва: Проспект, 2021. – 760 с.

[14] Хайдарова А. И. Некоторые спорные вопросы темпорального действия уголовного законодательства Республики Таджикистан / А. И. Хайдарова // Юридический вестник. – 2022. – № 4(12). – С. 80-87.

[15] Шарипов Т. Ш. Ретроактивность «промежуточного» уголовного закона / Т. Ш. Шарипов, А. И. Хайдарова // Академический юридический журнал. – 2020. – № 4(36). – С. 120-124.

[16] Якубов А. Е. Обратная сила уголовного закона: Некоторые проблемы совершенствования УК РФ / А. Е. Якубов. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 206 с.

[17] Официальный веб-сайт Конституционного Суда Украины. – URL: <https://ccu.gov.ua/index.php> (дата обращения: 25.09.2026).

[18] Официальный документ Совета Европы. – URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806a01ee> (дата обращения: 25.09.2026).

[19] Официальный веб-сайт Министерства иностранных дел Эстонии. – URL: <https://vm.ee/uudised/1953-ja-1954-aastaltoime-pandud-inimsusevastaste-kuritegude-eest-suudimoistmine-oli> (дата обращения: 25.09.2026).

[20] Официальный пресс-релиз ЕСПЧ. – URL: <https://www.coe.int/tu/web/portal/-/implementing-echr-judgments-latest-decisions-from-the-council-of-europe-s-committee-of-ministers-2> (дата обращения: 25.09.2026).

[21] Официальный веб-сайт Конституционного суда Латвии. – URL: <https://resources.ials.sas.ac.uk/eagle-i/constitutional-court-republic-latvia> (дата обращения: 25.09.2026).

[22] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[23] Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. по состоянию на 2012 г. // Sherloc : [сайт]. – URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/document/criminal-code-1999-as-amended2012_html/Belarus_Criminal_Code_1999_amended_2012.pdf (дата обращения: 09.10.2026). – Текст: электронный.

[24] Уголовный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК: [с изменениями и дополнениями по состоянию на 20 августа 2026 года] // Continent Online: информационная система. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 09.10.2026). – Текст: электронный.

[25] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на уча-

стие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // Российская газета. – 2013. – 23 октября. – № 238.

[26] Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – 6 мая (№ 96).

References:

[1] Bagandova L. Z. Retroactive criminal law in relation to crimes of aggression: historical and international aspects / L. Z. Bagandova // International law and international organizations. – 2024. – № 4. – S. 101-110.

[2] Boyko A.I. Memory of crime and its reflection in criminal law / A.I. Boyko // North Caucasian Legal Bulletin. – 2025. – № 3. – S. 18-40.

[3] Vasilevich S. G. The inverse power of the law: grounds and limits/S. G. Vasilevich // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 6. – S. 203-210.

[4] Grudtsyna L. Yu. "Managed" case law / L. Yu. Grudtsyna // Education and law. – 2026. – № 1. – S. 174-183.

[5] Erasov A.M. The retroactive effect of the criminal law: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08 / Erasov Andrey Mikhailovich. - Moscow, 2004. - 217 s.

[6] Zvecharovsky I. E. On measures of a criminal law nature not provided for by criminal law / I. E. Zvecharovsky, A. L. Ivanov // Criminal Law. – 2014. – № 4. – S. 33-36.

[7] Zorkin V. D. Constitutional control as a factor in improving Russian legislation / V. D. Zorkin // Journal of Russian Law. – 2023. – T. 27, NO. 5. – S. 86-102.

[8] Knyazkina A.K. Action of international criminal law in time / A.K. Knyazkina, E.V. Silchenko // Business. Education. Right. — 2022. — № 3(60). – S. 234-239.

[9] Kozochkin I. D. The principle of legality in modern American criminal law / I. D. Kozochkin // News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 2005. – № 6(263). – S. 48-61.

[10] Lisitsyn-Svetlanov A. G. Theoretical foundations of international criminal justice in the work "Nuremberg: A Sentence in the Name of Peace" (Moscow: Prospect, 2021. – 760 p.) / A. G. Lisitsyn-Svetlanov // State and law. – 2022. – № 7. – S. 40-45.

[11] Obernikhina O. V. Foreign experience in legal regulation of the retroactive effect of criminal law / O. V. Obernikhina // Legal science and law enforcement practice. – 2026. – № 2(76). – S. 90-96.

[12] Reshnyak M. G. On some features of the

legal regulation of the operation of criminal law in time and space in US criminal law / M. G. Reshnyak // Business in law. Journal of Economics and Law. – 2014. – № 1. – S. 122-124.

[13] Savenkov A.N. Nuremberg: Sentence in the name of Peace / A.N. Savenkov. – Moscow: Prospect, 2021. – 760 s.

[14] Khaidarova A. I. Some controversial issues of the temporal effect of the criminal legislation of the Republic of Tajikistan / A. I. Khaidarova // Legal Bulletin. – 2022. – № 4(12). – S. 80-87.

[15] Sharipov T. Sh. Retroactivity of the "intermediate" criminal law / T. Sh. Sharipov, A. I. Khaidarova // Academic Law Journal. – 2020. – № 4(36). – S. 120-124.

[16] Yakubov A.E. Reverse force of the criminal law: Some problems of improving the Criminal Code of the Russian Federation / A.E. Yakubov. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. – 206 s.

[17] Official website of the Constitutional Court of Ukraine. – URL: <https://ccu.gov.ua/index.php> (access date: 25.09.2026).

[18] Council of Europe official document. – URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806a01ee> (дата обращения: 25.09.2026).

[19] Official website of the Estonian Ministry of Foreign Affairs. – URL: <https://vm.ee/uudised/1953-ja-1954-aastal-toime-pandud-inimsusevastaste-kuritegude-est-suudimoistmine-oli> (дата обращения: 25.09.2026).

[20] Official press release of the ECHR. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/implementing-echr-judgments-latestdecisions-from-the-council-of-europe-s-committee-of-ministers-2> (дата обращения: 25.09.2026).

[21] Official website of the Constitutional Court of Latvia. – URL: <https://resources.ials>

[sas.ac.uk/eagle-i/constitutional-court-republic-latvia](https://resources.ials.sas.ac.uk/eagle-i/constitutional-court-republic-latvia) (дата обращения: 25.09.2026).

[22] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. – Art. 2954.

[23] Criminal Code of the Republic of Belarus [Electronic Resource]: July 9, 1999 No. 275-Z: adopted by the House of Representatives on June 2, 1999: approved by the Council of the Republic on June 24, 1999: as amended and supplemented as of 2012 // Sherloc: [website]. – URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/document/criminal-code-1999-asamended-2012_html/Belarus_Criminal_Code_1999_amended_2012.pdf (дата обращения: 09.10.2026). – Text: electronic.

[24] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V SAM: [as amended and supplemented as of August 20, 2026] // Continent Online: information system. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (access date: 09.10.2026). – Text: electronic.

[25] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.10.2013 No. 20-P "In the case of checking the constitutionality of subparagraph "a" of paragraph 3.2 of Article 4 of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation," Part 1 of Article 10 and Part 6 of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens of G.B. Egorov, A.L. Kazakova, I.Yu. Kravtsova, A.V. Kupriyanova, A.S. Latypova and V.Yu. Sinkova" // Rossiyskaya Gazeta. – 2013. – October 23. – № 238.

[26] Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. – 2019. – May 6 (No. 96).

